

Перевозчики судеб

повесть

Автор: Нармина Мамедзаде

В узенькой, маленькой лавке сувениров было мало света. Полки, заваленные изделиями местного и не только производства, покрывала легкая пыль. Казалось, время остановилось в лавке улыбчивого продавца. Он не настаивал на покупке, непринужденно демонстрируя свой товар. Трепетно сдувая пыль с национальных головных уборов, предлагал примерить их и сфотографироваться на память. Не желая его обидеть, я надела на голову шапочку, вышитую бисером, улыбнувшись в объектив своего же мобильного.

– А вот в этой комнатке я храню все старинное, – услышала я вдруг голос продавца и решила уточнить:

– То есть? Там тоже сувениры?

– Не обязательно, ордена, фотографии, открытки... Все, что осталось со старых времен.

Он подвел меня к стенду с орденами. Каких наград тут только не было! Я представила себе молодых офицеров, возвращающихся с войны к женам и детям. Их военная форма привлекала внимание окружающих. Красные, зеленые, золотистые кусочки металла и ткани искрились на поблекших гимнастерках, говоря о годах разлук и бедствий, о пролитой крови и пережитом ужасе.

Продавец прервал мои мысли:

– А тут всевозможные открытки и фотографии. Вы не поверите, какие виды старого города здесь запечатлены. Просто поразительно! Каждая такая открытка стоит баснословных денег.

– Да, действительно впечатляет. Вы их продаете?

– Увы, нет, я слишком дорожу своей коллекцией. Кто знает, может, когда-нибудь и продам. Он загадочно улыбнулся...

В лавку сувениров кто-то вошел, оповещая о своем приходе звоном невидимого колокольчика над дверью.

– Вы тут поглядите, я скоро подойду.

– Спасибо.

Сдувая пыль с фотографий, я внимательно их рассматривала. Находясь в крошечной камерке, доверху заваленной всякой всячиной, чувствовала себя в другом мире чужих воспоминаний, в который я вошла через потайную дверь, застав хозяев врасплох...

Красноватая открытка привлекла меня своим цветом. Осенние оттенки наполняли фотографию, непохожую на другие снимки, непонятной грустью. Уходящий на фотографии поезд и пустой перрон, казалось, хотели о многом рассказать. В чем я в тот час сумела убедиться, обратив внимание на другую сторону.

В детстве я часто выпрашивала у бабушки открытки с цветами, чтобы написать поздравление той или иной школьной подруге.

*«Мой милый и дорогой человек. Прошу простить мне мой внезапный ~~уж~~ побег. Чувства переполняли мою истерзанную душу, и больше не было сил. Если судьба решит, что у нас одна дорога, то путь, по которому я иду, обязательно приведет меня к тебе...
Твоя Азиза»*

Я смотрела на ровный почерк, местами стертые буквы и представляла Азизу. Кто она? Кем была для того, кто уехал в отходящем поезде? Что заставило ее написать письмо вслед удаляющейся любви?

Продавец довольным голосом прощался с кем-то в передней комнатке. Переполненная смешанными эмоциями, я быстро сунула фотографию в сумку. Сердце бешено стучало, но еще громче мне были слышны тревожные ноты, исходившие от брошенной в сумку открытки. Ей было что рассказать...

Я наспех попрощалась с продавцом и вышла на улицу. Яркое солнце ослепило меня после долгого пребывания в темноватом помещении. Мне безумно захотелось увидеть девушку Азизу, смотрящую вслед уходящему поезду....

Азиза. 1967

Правда ли, что поезда – перевозчики судеб? Может, в одном из таких поездов едет моя судьба?

Дул ветер, и было довольно прохладно. Я куталась в тонкую шаль и мечтала оказаться в теплом купе. Мы не разговаривали, будто бы два совершенно чужих человека стояли рядом. Мне хотелось, чтобы он взял меня за руку, обнял за плечи. Я хотела верить в то, что наша внутренняя связь не подобна тоненькой паутинке, которую легко разорвать легким движением руки.

Рустам не смотрел в мою сторону и, как мне казалось, на что-то злился. Я глубоко вздохнула и взяла его за руку. Какая к черту гордость, если я люблю его!

Он продолжал смотреть в сторону, а моя ладонь чувствовала себя маленькой, потерянной рыбкой в его еле сжатой ладони. У него не было попыток меня удержать, и я задыхалась от обиды, не в силах изменить что либо. Хотелось тупо рыдать, уткнувшись ему в плечо. Но я понимала: это ни к чему не приведет. Жалость не слишком верный помощник, если тебе не отвечают взаимностью.

Я крепко держала в руках сумочку, где лежало бабушкино бриллиантовое кольцо. Накануне она подарила мне его со словами:

– Зиза, душа моя, кому еще носить, если не тебе? Ты молодая, красивая, тебе к лицу украшения.

– Зачем оно мне – дорогое, тяжелое. Да и куда в Баку я пойду в таком колье, Ба?

– Найдешь, куда. Вот с Рустамчиком в оперу пойдете, да мало ли мест на свете.

– Спасибо тебе, но, честно, слишком оно дорогое...

– Ты для меня самое дорогое, Зиза. Я так хочу, чтобы ты была счастлива.

Бабушка Зарифа растрогалась, и я крепко ее обняла со словами:

– Ну, Ба, я обещаю: обязательно буду самая счастливая. Не знаю, когда, но точно буду.

Поезд прибыл после часовой задержки. Что-то, видимо, произошло в пути. После нескольких неудачных попыток мы, наконец, нашли свободное купе.

Рустам занял место возле двери и закрыл глаза. Я села напротив и еле слышно прошептала:

– Рустам, не спи...

Стук проходящего в движение поезда совпадал со стуком моего сердца. Рустам не обращал на меня внимания, видимо, все еще дуюсь на неизвестную мне ситуацию, а, может, просто не хотел говорить. Невидимый человечек сжимал мое горло маленькими ручками, а я через силу старалась не плакать. Какой смысл? Не хотелось выклянчивать кусочки жалости. Я смотрела на Рустама с надеждой, что он откроет глаза и скажет: «Зиза, я скучал».

Вскоре сдавшись, я устала в темное окно бессердечного купе поезда и постаралась заснуть. Не знаю, сколько я проспала, но когда проснулась, купе было таким же безликим, а Рустам безмятежно спал. Я представила наши с ним отношения после возвращения в Баку. По мне, они не предвещали ничего хорошего. Я любила его, но мне сложно было мириться с его видением мира, с его принципами, привычками, от которых я была так далека.

Мое детство прошло с бабушкой Зарифой и дедушкой Зеки в Москве, и я росла независимой, свободолюбивой девушкой. Поначалу привлекающие меня причуды Рустама, впоследствии начали выводить из себя. Мы перестали ладить. Род деятельности моих родителей вынуждал их большее время проводить за границей. Дабы не травмировать единственного ребенка переездами, меня, семилетнюю, отправили в Москву к бабушке, где я с отличием окончила школу и университет.

Рустам жил в Баку с родителями и младшей сестрой. Мы познакомились на выпускном вечере его школы, куда меня пригласила подруга. С тех пор мы были вместе настолько, насколько позволяло расстояние. Каждый раз приезжая в Москву, Рустам останавливался у нас в квартире или же на даче в Подмосковье. Но о том, чтобы я жила в квартире его родителей в Баку, не было и речи. В глубине души я осознавала ту немаленькую разницу между нашими семьями, но чувства каждый раз брали верх. Ведь я любила его...

Бабушка очень переживала за нас, интересовалась:

– Зиза, а Рустам не звонил?

– Нет, Ба, мы вроде как не разговариваем.

– Почему, золотая моя?

– Все то же – он мной недоволен...

– Как такое может быть, милая? Чем недоволен, Зизочка?

– Ну, вот так, Ба. Плохая я, в Москве учусь, родители у меня за границей. Матери его не нравилось... Мы разные, как он говорит.

– Что за глупости, Боже ты мой! Молодые, красивые! Мы поможем, детей воспитаем, а вы работайте, гуляйте, пока молодые. Все будет хорошо, ты увидишь...

– Да, Ба, наверное...

Я понимала, что это не так. Рустам превыше всего ставил только свои интересы. Он любил меня, как бы по-своему, как самую дорогую собственность.

«Ты моя, Азиза» – говорил он, вкладывая в эти слова всю ту власть, которую имел надо мной.

Слезы душили меня. Поезд четко выбивал ритм неизвестной мелодии. Что ожидало нас в Баку, я смутно представляла, вспоминая разговор накануне с Рустамом. Мы сидели в беседке, во дворе нашей дачи в Подмосковье. Я положила голову ему на плечо:

– Рустам, познакомь меня с мамой.

В затянувшемся молчании мое сердце застучало еще громче.

– Я даже не знаю, Зиза... У сестры скоро день рождения, может, ты могла бы придти, как ее подруга, – смутился он.

– А почему мы не можем познакомиться, как люди, которые встречаются уже несколько лет?

– Зиза, ты же знаешь, мы разные...

– Все разные, Рустам. На то мы и люди. Разве не так?

– Так, в каком-то смысле. Но мои родители другие, они не примут тебя, Зиза, понимаешь... Давай еще подождем, малыш? Ты ведь не торопишься?

Мне нечего было сказать. Это был не первый раз, когда я возвращалась в Баку, оставалась у себя в квартире и разделяла с Рустамом те часы, что он мог и хотел мне уделить. Я не знала, как долго смогу так жить, как долго сможет он.

Наша жизнь казалась маленькой бабочкой, судорожно порхающей в стенах опрокинутого стакана. Мы все еще летали, но в безвоздушном пространстве. Нашим чувствам не хватало места. Мир сузился до простого кухонного стакана, в котором умирала наша бабочка – наша любовь...

Сжимая в ладонях маленькую сумочку, я искала ответ. В купе постучали. Дверь приоткрылась, и на пороге появился небольшого роста человек:

– Свободно?

– Да, проходите.

Он замешкался, а затем вновь спросил:

– Разве Вам не выходить на следующей остановке, милая девушка?

– Нет, я еду до Баку, – ответила я, все еще недоумевая.

– Ах, простите, значит, я вас с одной девушкой спутал.

Маленькая голова вместе с туловищем скрылась за дверью, а меня осенило: вот он, знак...

... Не знаю, сколько времени я простояла на перроне. Подул ветер, развевая по пыльной земле разбросанные газеты и билеты. Они путались у моих ног, периодически демонстрируя мне черно-белые картинки и броские заголовки.

«Разбито сердце известной актрисы...», – кричал один лидер-абзац. Интересно, как мягкую ткань сердца из плоти и крови можно разбить? Разрезать, истоптать, сжечь, но не разбить же! Оставалось узнать, что именно произошло с моим сердцем, и какой из методов способен его окончательно уничтожить.

Внезапно меня осенило, что мое сердце не уехало вместе с уходящим поездом. Оно выпало, когда я убегала от своей любви, когда сдалась и опустила руки, и теперь лежало на пыльном перроне, окруженное маленькими брошенными билетиками неиспользованного счастья... Ну и пусть.

Еле слышный писк раздавался под сердцем известной актрисы, вернее, из-под валявшейся на земле газеты. Наклонившись, я приподняла ее. У моих ног, свернувшись в комочек, примостился малюсенький котенок. Он пищал и жался к моим ногам, жалобно прося хотя бы о капельке внимания. Я погладила его и медленно пошла прочь. Писк котенка все еще раздавался у меня в голове, когда спустя пятнадцать минут я вернулась за ним на перрон.

Он к тому времени лишь немного поменял месторасположение. Стоило мне подойти ближе, как бездомный малыш вновь занял место у моих ног, привычно свернувшись в клубочек. Видимо, его не слишком волновало, что я не его мать. Ему просто не хотелось быть одному, впрочем, как и мне.

Азиза. 1975 год

Говорят: «Время лечит». Врут. Абсолютно все. Время – самый паршивый доктор. Один из тех, кто до последнего не выносит свой жестокий приговор, затуманивая разум несбыточными обещаниями. Думаете, я несчастна? Напротив, я только и делаю, что выполняю данное бабушке обещание.

Это лето мы с семьей решили провести в Баку. Мы с Андреем переехали на дачу в Бильге еще в мае, учитывая мое положение, а родители присоединились позже. Летние дни протекали одинаково хорошо. Гости, шашлыки, долгие разговоры вперемешку с играми в домино до поздней ночи.

Андрей – мой муж. После того, как наши отношения с Рустамом прервались, он был первым мужчиной, с кем я решилась построить отношения.

Поезд, в котором навсегда уехал Рустам, увез с собой мои детские мечты, мою веру во взаимные чувства. Андрей стал тем человеком, который каждый день делил со мной свою веру и свои чувства пополам. Спустя время, я стала верить в чудо исцеления собственной души.

И я исцелилась. Я распахнула давно запертую дверь в жизнь и позволила себе быть любимой. Любимой любимым человеком. Да, я полюбила Андрея и не представляла своей жизни без него. Как так может быть? Очень просто. Со временем понимаешь, что любить – это не обязательно страдать. Бывает и наоборот.

Я наслаждалась замужней жизнью и с трепетом ждала плод нашей любви с Андреем. Мы часто совершали прогулки по берегу моего любимого моря. Держась за руки, мы обсуждали прочитанные книги, просмотренные фильмы. Мы обсуждали все и ничего. Мы просто жили в сегодняшнем дне, искренне надеясь, что вскоре наступит новый.

Лишь редкими вечерами, когда Андрей садился играть с моим отцом в шахматы, я прогуливалась одна. Море манило меня, пытаюсь напомнить о прошлом своим тихим шепотом.

Волны ударялись о мои босые ноги и плавно катились обратно, деля на два слога имя, которое невозможно было забыть. «Руссс» и волна накрывала мои ступни, «Тааам» и превращаясь в белую пену, исчезала в темно коричневом песке...

Русс... Таам...

...Вот уже несколько лет я почти ничего о нем не знаю. С тех пор, как я вернулась в Москву, многое изменилось. Скончался дедушка Зеки, и мы с бабушкой переехали в столицу. Слишком много воспоминаний, скрытых в стенах нашего дома в Подмосковье, о которых мы хотели забыть.

Переехав в столицу, я продолжила учебу в МГУ. В Баку я в тот период почти не ездила, так как мама с папой все чаще приезжали в Москву, и не было надобности навещать город моего детства. Я не скучала, не тосковала, просто уже ничего не чувствовала. Я стала узником собственных мыслей.

Андрея мне послал Бог. Это, действительно, так. Сложив меж собой все окружающие нас обстоятельства, мы не должны были встретиться. Тем не менее, Богу стало жаль мою увядшую душу.

Русс... Таам... Кто-то из общих знакомых сказал: он уехал учиться на врача. Интересно, что он будет лечить? Хорошо бы научиться лечить человеческие судьбы. Разрезал, вынул примерно из области солнечного сплетения душу, где, по моему мнению, она должна находиться, и залатал. Легко и просто. В одном месте порезы заштопать, в другом – заплатку поставить. Этаким хирург человеческих душ...

В одну из самых прохладных летних ночей появилась моя родственная душа, моя жизнь, мое новое сердце, моя доченька Дениз. Она смотрела на меня глазами Каспия, будто бы хотела сказать: «Мама, теперь я рядом с тобой».

Дениз я назвала в честь любимого моря. В честь шепчущих волн. В честь несбывшейся любви. В честь вновь обретенного сердца.

Азиза. 2000 год

Мы прожили долгую и счастливую жизнь. Андрей стал мне больше, чем мужем, больше, чем другом. У нас с ним была одна душа, которую не разделить ни временем, ни препятствиями. Дениз была и есть наше откровение, наше общее я. Она воплотила в себе все те неистраченные чувства, которые прятались в складках нашей общей души.

Я не помню, когда Андрей начал болеть. Я не позволяла себе расслабляться. Каждый день не должен был отличаться от предыдущего, а иначе мы могли бы сорваться. Мы перестали говорить о нас. Нашим общением стали книги, которые я читала Андрею каждый день.

После прочтения книги Бегбедера «Любовь живет три года» Андрей привстал с кровати и, посмотрев мне в глаза, сказал:

– Азиза, я не верю.

– Во что, любимый?

– В то, что она живет три года.

– Не знаю, что сказать, может, у всех по-разному?

– У нас точно по-другому, Зиза. Я любил тебя всю жизнь. А сейчас люблю еще сильнее, потому что не только делю с тобой одну душу на двоих, но и дышу одним воздухом. Ты – мой воздух, Азиза. В день, когда я перестану дышать, половинка моей души все равно будет рядом с тобой, желая тебе и нашей маленькой Дениз счастья.

Я не могла говорить. Впервые после рождения Дениз я дала волю чувствам. Слезы душили меня. Наш молчаливый договор не говорить о болезни каким-то образом испарился. Я ревела вовсю:

– Андрюша, не оставляй меня. Что я буду без тебя делать? Я старая, уставшая от жизни. Забери и меня...

– Не плачь, Зиза... Я всю жизнь берег тебя, как мог. Не плачь из-за меня...

В ту ночь Андрей написал свое первое и последнее стихотворение.

У нас с тобой разбитые сердца,

И души нам трепало не однажды,

Мы словно половинки от кольца

С нечеткой, бледной надписью «Отважным».

У нас с тобой разбитые мечты,

Судьба не раз свои меняла планы.

И души без привычной теплоты

Сжимались в незалеченные раны.

У нас с тобой всего напололам,

И пусть друг друга знаем мы едва ли,

Я руки поднимаю к небесам,

За эту встречу, что они нам дали.

У нас с тобой теперь одна судьба,

Что было в прошлом, нам уже не важно,
Мы половинки одного кольца,
Уже с глубокой надписью «Отважным».

Сколько себя помню, все время приходилось быть отважной. Надоедало, не спору, но другой себя я уже не знала. Сила духа стала моей неотъемлемой частью. Я сама стала силой, разрушающей и созидающей, той, что дарит и отнимает любовь...

На сей раз я боролась изо всех сил за жизнь любимого человека, заведомо зная, что бороться против высших сил бесполезно. Я верила! А что может быть сильнее веры любящей женщины?

Доктора были самые разные, но все называли один диагноз. Я не теряла надежду. Папка с историей болезни Андрея объехала пол мира. Я обращалась во все возможные инстанции, часто пользуясь именем родителей, что очень даже помогало в поиске врачей и редких медикаментов, но, тем не менее, не давало надежды на выздоровление...

Это был очень холодный зимний день. Я хорошо помню, как затопила камин в доме и укутала спящего Андрея. Зазвонил телефон.

– Алло.

– Добрый вечер, Азиза.

Есть на свете вещи, которые ни при каких обстоятельствах невозможно забыть. Одна из таких вещей, это голос любимого человека... Из миллиарда голосов я бы узнала именно этот. Голос моей несбывшейся любви. Голос моей потерянной половинки. Голос Рустама...

Как ни странно, я не растерялась, не удивилась. Я знала: рано или поздно наши пути пересекутся. Иначе не могло и быть.

– Добрый, Рустам.

– Узнала?

– Могло быть иначе?

– Наверное, нет... Как ты?

– Да так, почти, как все. Всего поровну, как хорошего, так и не очень...

– Я знаю... Про Андрея...

– Да... Увы, я медленно опускаю руки...

– Именно поэтому я и звоню. Я думаю, еще рано для этого. Ты могла бы привезти его в Москву?

– Да везде мы были! Все врачи говорят одно и то же... Даже комично как то....

– Все – это не я, Азиза... Я недавно переехал в Москву, до этого работал в Германии... Да это не так важно. Привези его. Я постараюсь сделать все возможное.

– Привезу. Я сейчас в роли утопающего...

– Знаю... В общем, жду вас. Позвони – я встречу.

Перед тем как попрощаться, я не удержалась и все же спросила:

– Рустам...

– Да, Азиза.

– Зачем это тебе?

– Я врач, Азиза, врач, который готов на все... Ради тебя... До встречи...

Я давно не была в Москве. После рождения Дениз мы остались жить в Баку. Хотелось быть ближе к корням, к дому, к родной земле. Да и Дениз чувствовала себя в Баку лучше, чем в столице, когда мы туда ездили. Видимо, роль играло ее имя, данное в честь Каспийского моря.

Я чувствовала, как я отдалилась от города моего детства, как далеко мы ушли друг от друга. Рустам, как и обещал, встретил нас в Москве.

С того дня мы больше не разлучались. Он приходил к нам каждый день. Создавалось впечатление: кроме Андрея, у него пациентов не было, так как он старался проводить все свое время с нами.

Данные различными врачами Андрею шесть месяцев оказались счастливой ошибкой. Рустам сделал все возможное, вернее, невозможное. Андрей прожил еще три года. Ровно столько, сколько жила любовь у Бегбедера. И это были самые лучшие наши годы. Самые открытые, самые искренние, самые дорогие. Дорог был каждый день, так как следующего могло просто не быть...

Когда Андрея не стало, я не плакала. Я знала: одну душу на двоих не разделить переменной места жительства. Андрей был и остается рядом со мной. Дениз прилетела из Швейцарии, где она училась на юриста, безрезультатно упрашивая меня переехать к ней, но я твердо решила вернуться в родной Баку. Мне больше не было больно. Боль давно покинула меня, осознав бессмысленность своего присутствия. Я давно научилась принимать жизнь такой, какой она стучалась мне в двери, а порой и в окна.

2012 год

Спустя пару дней и пару бессонных ночей я дала себе слово найти Азизу. Открытка со словами любви будто бы прожигала мне кожу сквозь сумку.

На открытке был московский адрес. Мне пришлось задействовать друзей в таком деле:

– Алло, Тима, привет!

– Привет, красавица! Сколько лет сколько зим. Куда пропала?

– Ах, Тима, столько дел, бытовуха меня съедает.

– А кого она жалует? Говори, по какому поводу нам оказана такая честь?
– Ну, Тим, ладно тебе. Дело тут у меня такое... Адрес есть, может, он и старый, мне телефон нужен.

– Хм, опять твои забавы. Говори свой адрес.

– Вот, написано плохо... проспект....

– Ладно, перезвоню тебе, если что найду. До связи, Шерлок.

Тима отключился, а я думала. Ну, найду я телефон, а что скажу? Здравствуйте, я ищу Азизу, которая жила здесь неизвестно когда? Просто хочу знать, чем закончилась ее любовь. Хочу верить, что чувства двоих не испаряются в пыли удаляющегося поезда. Мне хочется знать, сошлись ли две разделенные дороги, если им суждено быть вместе...

...Тима позвонил на следующий день и продиктовал номер телефона. Мелькнула мысль: было бы легче, если номера не было. Но он был, и теперь я должна была позвонить.

Три, пять, семь гудков. Видимо, никого нет дома. Я задумалась с трубкой телефона в руках, и вдруг:

– Алло.

– Мда...

– Слушаю Вас

Я, наконец, поняла – мне ответили, и я говорю по телефону с тем, кто может многое рассказать!

– Ой, простите, я думала, никого нет, потому что никто не отвечал.

– Так хозяев и нет. Я тут прибраться зашла. По соседству живу. А вам кого?

– Мне?.. Я хотела бы поговорить с Азизой...

– Так Зизочка в Баку живет, давненько они сюда не приезжали. Мало кто остался... Так вам Зизу? Я сейчас номерок ее бакинский посмотрю, ждете?

– Да, конечно.

Меня переполняло волнение. Азиза, действительно, существует, мало того, она жива и сейчас находится в Баку.

– Алло, так, записывайте номер...

– Да, пишу... 492- ... записала, спасибо.

– Да не за что. А вы, простите, кем им приходитесь?

– Я? Так, старая знакомая...

– Ну, удачи Вам. Передавайте привет. От Ольги, соседки.

– Спасибо, передам обязательно.

Я набрала номер Азизы вечером.

– Алло

– Азиза ханум?

– Да, да.

– Я нашла Ваш номер случайно. Вернее, прежде нашла открытку, а потом уже номер. Я хотела с Вами поговорить. Боже, я волнуюсь...

– Да вы не нервничайте, скажите как есть. Чем смогу, помогу.

– Я хотела поговорить с вами о вашей любви к человеку с поезда. Вот.

Я выговорилась, и мне стало легче, даже если я выглядела со стороны полной идиоткой. На другом конце телефонной линии молчали. Я не решалась прервать паузу воспоминаний.

– Ну, что вам сказать, милая моя? Расскажу, если интересуетесь. А лучше, заходите ко мне завтра, часикам к трем. Я живу недалеко от «Монолита». Найти легко.

Адрес, действительно, оказался «легким», и вот я уже пятнадцать минут сидела в просторной гостиной Азизы ханум, которая готовила чай.

Я огляделась вокруг. Это была самая обычная бакинская квартира. Когда то и у нас была такая же, до того момента, как мы перестроили квартиру на более современный лад.

За стеклом серванта было много фотографий. Азиза с мужем и дочерью, Азиза с родителями и дочерью, Азиза с бабушкой и дедушкой, дочь Азизы в свадебном платье...

– Ой, у нас столько фотографий, даже не знаю, куда девать. Часть забрала Дениз, когда уехала в Швейцарию.

– Дениз – это Ваша дочь?

– Да, доченька моя единственная.

Азиза подошла к серванту и, открыв нижнюю полку, вынула альбом:

– Вот, посмотрите. Здесь их столько! Денизкины фото собрала, мои, еще молодые с Андрюшей, а в старости фотографироваться даже не хочется. Это мои родители, это бабушка и дедушка... Сейчас я сама почти бабушка... Время пролетело, а я даже не поняла, как.

– Время пролетело с того момента в поезде, не так ли, Азиза ханум?

Я вынула из сумки и протянула ей открытку. Она долго держала ее в руках, потом почему-то поднесла к щеке.

– Да, можно сказать с того момента моя жизнь изменилась. Откуда она у вас? Хотя я предполагаю, столько вещей отдала соседке, а та ее куда-то и передала. Я ведь переезжаю, вещей много, старая уже, всего не переберешь. А это письмецо, видно, среди вещей и ушло.

– Ко мне оно попало в лавке сувениров. Ее владелец коллекционирует открытки с видами старого Баку.

– Вы посмотрите, как все получилось! А вы, как знаменитый английский сыщик... как его звали, что-то вылетело из головы?

– Шерлок Холмс?

– Да, да, как он, – Азиза рассмеялась, а я подумала, что даже в свои семьдесят лет она очень красива.

– Ваш муж, это тот самый?

– Нет... Мой муж, Андрей. А писала я это письмо Рустаму...

– Азиза ханум, расскажите, я столько времени представляла себе эту историю.

– Да, конечно, расскажу, милочка.

Я не знаю, сколько часов просидела у Азизы за рассказом, но мы еще не раз выпили чай и даже пообедали долмой ее собственного изготовления. Уже темнело, а я даже не думала прервать ее рассказ.

– А потом Андрюшенька скончался... Она не заплакала, но голос слегка дрогнул. Тут я решила спросить:

– Азиза ханум, а как же Рустам? Что стало с вами после смерти мужа?

– Знаете, жизнь, она вообще интересная. Ничего просто так не случается, ничего бесследно не проходит... Прожила бы я еще одну, но все меньше песка остается в моих песочных часах.

Андрей долго лечился в Москве. Рустам был очень хорошим врачом, знающим, а, главное, любящим свое дело. Вообще, характер у него такой был, напористый, всегда своего добивался. За три года, что мы прожили в Москве, он сделал все, что мог. Он не просто продлил Андрею жизнь в качестве лежачего больного. Андрей прожил полноценные три года жизни. Мы гуляли, радовались каждой отведенной минуте, мы жили, не задумываясь о завтрашнем дне. Рустам все время старался быть с нами. И ему это удавалось. Но три года прошли. Сами понимаете, если отметили дату в небесном календаре, то уже ничего не поделаешь.

– Азиза ханум, а что было потом? Вы ведь переехали в Баку, а Рустам?

Она улыбнулась, и я подумала: так может улыбаться только женщина, которая безумно любима...

– Рустам переехал в Баку со мной. После трех лет такой тесной дружбы сложно жить врозь. Тем более, мы потеряли годы...

Азиза вытащила из альбома небольшой конверт и вынула несколько фотографий:

– Вот, места в альбоме нет, приходится держать тут. Это несколько свадебных фотографий Дениз. Она пару лет назад вышла замуж и окончательно переехала в Швейцарию.

На ярких фотографиях светилась красотой невеста в белоснежном платье. Она стояла, крепко прижимая к груди ладонь своего жениха. На шее у нее красовалось необычное кольцо.

– Красивая у Вас дочь, Азиза ханум.

– Спасибо, милая. Дай Бог всем молодым счастья. Дениз, действительно, красивая.

Жаль, Андрей не увидел свадьбы дочери.

– Да, очень жаль...

– В день свадьбы я подарила Дениз бабушкино кольцо и взяла с нее обещание, в точности такое, какое взяла с меня моя бабушка. Она тогда попросила меня: будь счастливой. Я обещала. Сейчас думаю, обещание сдержала, прожив счастливую жизнь... В день своей свадьбы Дениз танцевала с Рустамом. За все эти последние годы они сдружились, он ей не мог заменить отца, но стал близким другом.

– Азиза ханум, Вы так и не сказали, что стало с Рустамом?

– Да что с ним будет! – она рассмеялась. – Жив, здоров. Просто в Москве сейчас, попросили его помочь в клинике. Уехал на пару дней. Как вернется, соберемся и к Дениз переедем. Думаю, уже навсегда. Тяжело уезжать, родину оставляю, сердце болит, но дочке мать нужна...

– Значит... Значит, все-таки судьба?

– А как же? Она самая. Давайте еще чай налью?

– Ой, вы меня простите, я у вас весь день отняла.

– Да, что вы, милая моя, мне приятно. Вот сколько всего вспомнила, как будто жизнь заново прожила.

– Спасибо вам, Азиза ханум

– Это вам спасибо, Я адрес электронный оставлю, пишите, если захотите.

– Конечно, напишу! С удовольствием.

Я направилась к двери, а Азиза ханум пошла меня провожать. Вдруг она замешкалась и вернулась в гостиную. Спустя две минуты вернулась, протягивая мне ту самую открытку:

– Вот, забыли. Теперь она ваша. Можете вернуть коллекционеру, а можете себе оставить. На память.

Она улыбнулась.

– Спасибо вам, за все...

– Да не за что. И еще, как я с дочки обещание взяла, так и вас, моя милая, попрошу об одном: обещайте мне – во что бы то ни стало будете самой счастливой.

Мы крепко обнялись. Выходя из квартиры, я прошептала:

– Обещаю....

...В лавке продавца сувениров я оказалась не скоро. Самым главным для меня на тот момент было описать эту историю от начала до конца. Казалось, если не увижу написанное своими собственными глазами, не поверю, что все было именно так на самом деле. Жизнь зачастую преподносит нам сюрпризы, о которых мы даже не подозреваем. Принято даже неприятности в кавычках именовать сюрпризами судьбы. Не значит ли это, что неприятности, под названием сюрпризы могут когда-нибудь в них превратиться? Ведь после дождя всегда светит солнце, даже если дождь льет несколько дней подряд...

Больше половины известных мне сайтов с прогнозом погоды обещали теплый день субботу. Внимая этому факту, я отправилась в знакомую мне лавку сувениров.

Колокольчик на двери радостно спешил сообщить о приходе похитителя открытки из бесценной коллекции продавца. Я чувствовала себя крайне скверно.

– Добро пожаловать, проходите.

– Здравствуйте, вы меня помните?

– Конечно, – ответил улыбочивый продавец, и я поняла: он говорит неправду, и с облегчением вздохнула. Во всяком случае, начало обещающее.

– Я... В общем, я... взяла у вас открытку и ушла. Мне ужасно стыдно. Вот.

Я протянула изумленному продавцу смятый картонный прямоугольник, застыв в ожидании приговора.

– Да, похоже, открытка моя, – он улыбнулся. – Да ради Бога, что мне, жалко кусочка бумаги для такой красивой девушки? Забирайте на здоровье. Хотите еще парочку подарю? С этими словами он прошел в маленькую комнатку. Я последовала за ним.

– Нет, вы меня не совсем верно поняли. Я забрала ее, потому что заинтересовалась запиской на ее обороте. Понимаете, почувствовала – я должна обязательно узнать, что стало с той девушкой, написавшей любовное послание.

– Узнали?

– Да...

– И что с ней стало?

Спустя пять минут моего рассказа, продавец предложил мне стул, и, усевшись на маленький старинный коврик, принялся меня слушать. Я рассказывала медленно, будто бы переживала все заново. Продавец сувениров ни разу меня не прервал. Он сидел и заворожено слушал каждое произнесенное мной слово.

– А потом мы обнялись на прощание, и я пошла домой, чтобы написать все услышанное мной. Ну, а сегодня я пришла к вам, чтобы вернуть украденное.

Мы улыбнулись друг другу.

– Да... Вы меня потрясли своим рассказом. Никогда ничего подобного не слышал.

– Поверьте, я тоже.

Когда я собралась уходить, продавец задумался на секунду, а потом, пристально посмотрев мне в глаза, предложил:

– А что если вы будете приходить и читать открытки, письма, в общем, все, что у меня тут имеется? Из вас выйдет превосходный... – он задумался, подбирая нужное слово.

– Писатель?

– Нет, детектив! Вот! Помните, как его звали, из фильма...

– Шерлок Холмс?

– Он самый!

– Да... Где то я это уже слышала, – улыбнулась я.

– Вот видите, приходите, мне будет приятно.

– Спасибо и простите за открытку.

– Да что Вы, ради такого дела забирайте все, – засмеялся он.

– Нет уж, а то точно придется свое детективное агентство открывать.

– А эту открытку заберите на память, – продавец сувениров повертел ее в руках и, улыбнувшись, протянул мне заветный кусок картона, – тем более, теперь она точно принадлежит именно вам.

Я забрала открытку и, заглянув на оборотную сторону, обнаружила следы свежих чернил: «Будьте счастливы, Азиза».

– Да, теперь, правда, она моя. Спасибо вам за все.

– И вам тоже спасибо, до скорой встречи, Шерлок...

– До скорой...

Я вышла на солнечную улицу старого города и прошептала:

– Я обещаю...